
Л.Я. Шнейберг, И.В. Кондаков

«Я люблю избранника свободы...»

Предчувствие ранней, насильственной смерти сопровождало Гумилева на протяжении почти всего его литературного творчества, хотя поэт часто утверждал в кругу друзей — не без демонстрации,— что проживет не менее чем до 53 лет или даже до 90... На самом же деле, как написал А.Н. Толстой в воспоминаниях о Гумилеве, «смерть всегда была вблизи него, думаю, что его возбуждала эта близость. Он был мужествен и упрям. В нем был постоянный налет печали и важности. Он был мечтателен и отважен — капитан призрачного корабля с облачными парусами». А смерть — таилась рядом... Было ли это поэтическим провидчеством или свойством характера, склонного к риску, авантюризму, дальним путешествиям в экзотические страны (в Африку)? Или ощущение роковой своей поэтической и человеческой судьбы было отражением общей атмосферы эпохи, проникнутой настроениями надвигающейся катастрофы — грандиозной кровопролитной войны, революции, потрясающей основы многовекового уклада, и — самое страшное — предстоящего раскола нации и следующего за ним бессмысленного братоубийства, деморализующего и ожесточающего народ? Вероятно, здесь было и то и другое.

<...>

После Октябрьской революции, точнее — после возвращения Гумилева из-за границы в апреле 1918 года, образ смерти в его поэтическом осмыслении сливается с картинами жестокого насилия, казней, исполнения смертных приговоров. Произвол насильников, нарушая хрупкий баланс противоборствующих сил в мире, чреват ужасным возмездием самим нарушителям покоя, а затем и своего рода «цепной реакцией» сплошного насилия, разрушения во всем обществе.

<...>

Поэзия Гумилева этого времени переполнена мрачными пророчествами. Поразительно предвидение поэтом собственной судьбы в стихотворении «Рабочий»:

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит,
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

Гумилевский *рабочий* (не «пролетарий», то есть не политизированный имидж классового борца с капитализмом, эксплуатацией и т. п., а одинокий мастеровой, занятый своим будничным делом на военном заводе, оказывается символом судьбы, воплощением мировых титанических процессов (так и напрашивается сравнение с вагнеровским Зигфридом, кующим волшебный меч!). В рабочем нет ничего героического и возвышенного: это не идейный враг, не воин, не представитель своего класса или общественно-политического строя, напротив, его облик сугубо забытовлен: это «невысокий старый человек» «в блузе светло-серой», дома его ждет «в большой постели / Сонная и теплая жена», у него «спокойный взгляд», от работы с раскаленным металлом непрерывно мигают «красноватые веки», от чего взгляд кажется (только кажется) «покорным». Но именно его прозаическая работа несет смерть поэту и поэзии. Отлитая рабочим пуля («Кончил, и глаза повеселели») — как будто лучшее, что он мог сделать:

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошное увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.

Смерть от пролетарской пули осознается чуть ли не как освобождение и спасение, как обретение заслуженного воздаяния, столь долго искомого рая. Поэт и рабочий и предназначены, собственно, для исполнения каждым своей миссии — один должен изготовить смертоносную пулю, другой — от нее погибнуть. Пролетарское дело — убивать поэзию; поэтическое дело — достойно умереть. Не случайно поэт — весь в прошлом, он как бы умер, и его физическая смерть позволяет ему наконец увидеть прошлое «наяву». Чувство исполненного долга передается в заключительной констатации:

Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

<...>